

В. К. СОКОЛОВА
Институт этнографии АН СССР

К специфике рабочих преданий

Чтобы полнее и всестороннее понять сущность рабочего фольклора, его формирование и специфику, важно установить, как национальная (и региональная) устно-поэтическая традиция сочетается в нем с новыми качествами, привнесенными в нее рабочей средой, как трансформируются, приобретают новый идейно-художественный смысл традиционные образы, сюжеты, мотивы. Проблема эта ставится во многих исследованиях по рабочему фольклору, но процесс освоения и переработки национального поэтического наследия в конкретной обстановке в разных регионах и у рабочих разных профессий выяснен еще недостаточно. Важно также отметить некоторые особенности, нюансы в трактовке общенациональных традиционных образов, свидетельствующие именно о рабочем их восприятии. Для примера остановимся на особенностях трактовки образов Ермака и Пугачева в уральских горнозаводских преданиях.

Рабочая сказочная проза, прежде всего предания, в последнее время собирается и изучается на Урале особенно интенсивно. Достаточно отметить систематическую собирательскую работу, проводимую Уральским и Башкирским государственными университетами, периодически издающиеся сборники материалов и исследований, монографии и статьи В. П. Кругляшовой, Л. Г. Барага, специальную работу о специфике уральских рабочих преданий А. И. Лазарева и др. Среди них есть и работы, посвященные преданиям о Ермаке и Пугачеве. Можно сказать, что сейчас состав сюжетов и мотивов уральских горнозаводских преданий представлен достаточно полно, выявлены и их существенные особенности. Но на некоторых моментах хочется остановиться.

Мне кажется, что особое значение имеет характер трансформации центрального образа предания, его трактовка и новое социально-психологическое наполнение в рабочей среде, что влечет за собой соответствующий отбор мотивов, их новые сочетания и функции в системе преданий, новое звучание.

Не все особенности записанных от рабочих преданий следует относить на счет рабочей специфики, многое здесь определяется региональной традицией и спецификой жанра. Так, предания о Ермаке, записанные на Дону и на Урале, различны как по сюжетам, так и по трактовке образа. Но дело здесь не только в

том, что они создавались и бытовали в разной социальной среде и историко-бытовой обстановке, что определило характер образа. Многое идет от специфики преданий, всегда точно локализуемых, регионально определенных. На Дону нет преданий, рассказывающих о походе Ермака в Сибирь, а если изредка упоминается об этом, то поход осмысливается как желание Ермака найти новые свободные земли, куда казаки могли бы уйти от притеснений царя и бояр. На Урале же и в Зауралье поход в Сибирь — основное содержание преданий о Ермаке, причем описывается он порою достаточно подробно. И это естественно — здесь проходил Ермак, здесь показывают связанные с ним места. Эти топонимические предания по характеру и мотивам близки к подобным преданиям из других мест, рассказываемым о разных лицах. Большое влияние на предания о походе в Сибирь и гибели Ермака оказали литературные источники, особенно дума К. Ф. Рылеева, которую информаторы нередко цитируют. Тесная связь с профессиональным искусством — одна из основных особенностей рабочего фольклора, определившая многие его поэтические особенности. Но воздействие профессиональной литературы (правда, часто качественно иной, чем у рабочих) уже в XIX в. все более начинает сказываться и на крестьянском фольклоре; упомянутые предания о Ермаке не представляют в этом плане нового, специфически рабочего явления так же, как и ссылки на песни, употребляемые в преданиях для подтверждения достоверности рассказанного в них факта.

Однако среди уральских преданий о Ермаке есть группа рассказов, в вариантах которых прослеживается воздействие уже собственно рабочей идеологии. Это предания, типологически совпадающие с многочисленными повествованиями, русскими и других народов, о «благородных разбойниках» — социальных мстителях. В них используются общие или сходные ситуации и мотивы, в характеристике же Ермака есть специфические черточки. В ряде преданий он рисуется не как атаман шайки стихийных бунтарей, а как вождь, военачальник организованных отрядов, иногда армии, рабочих, бежавших с заводской каторги и вставших на путь сознательной борьбы с существующим произволом. «Он шел за рабочий класс. Дружина у него была из рабочих собрана»¹, — говорил один информатор. Определяются и стремления Ермака: он шел за народ, «против помещиков, капиталистов, богачей был»². А в одном из преданий, записанном на Чусовой, утверждается: «За ленинскую власть стоял»³. Так охарактеризовать Ермака мог, конечно, только советский рассказчик. Анахронизм этот звучит даже парадоксально, но он показывает, в каком направлении развивался образ, как он в

¹ Предания реки Чусовой/Сост. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961. С. 41, № 5.

² Там же. С. 41, № 17.

³ Там же. С. 42, № 9.

конце концов мог быть осмыслен. А это, естественно, вызывало изменения во всей структуре преданий. Характерные черты идеологии рабочего класса: организованность, готовность к борьбе с эксплуататорами, понимание задач этой борьбы, сказавшиеся, как видим, уже в ряде преданий о Ермаке, значительно ярче и отчетливее проявились в преданиях о Пугачеве.

Предания о Пугачеве создавались и бытовали в местах, где разворачивалось восстание — в Поволжье, на горнозаводском Урале, у уральских (яицких) казаков. В каждом из этих трех регионов они имеют свои особенности. Наиболее выделяются предания уральских казаков, создавших легендарную биографию изгнанного императора Петра Федоровича. Поволжские и горнозаводские предания более близки между собою по своему характеру. В отличие от целостной казачьей эпопеи это, как правило, короткие рассказы типа воспоминаний об отдельных эпизодах восстания. Основной их сюжето-мотив — расправа пугачевцев с эксплуататорами, помещиками — в поволжских преданиях, с представителями заводской администрации — в горнозаводских. Развивают эти мотивы крестьяне и рабочие, естественно, по-разному. В фольклоре каждой из этих групп имеются и свои сюжеты. Крестьяне Поволжья рассказывали, как, узнав о приближении повстанцев, бары прятались, переодевались в крестьянское платье, брались за какую-либо крестьянскую работу, а пугачевцы узнавали их по рукам, или же наиболее жестоких помещиков выдавали сами крестьяне. В преданиях, записанных на разных уральских заводах, особенно распространен сюжет о том, как рабочие помогали Пугачеву, делали для него оружие, отливали пушки и снаряды, шли в его войско. Принципиальное же различие рабочих и крестьянских преданий заключается в понимании и изображении характера и смысла восстания, в оценке Пугачева.

В поволжских преданиях восстание предстает как стихийное, причем действуют не сами крестьяне, а пришедшие с Пугачевым повстанцы. Крестьяне сочувствуют им, порою торжественно, с колокольным звоном встречают Пугачева как царя, угощают, жалуются на жестокости бар, расправу пугачевцев с которыми воспринимают как справедливое возмездие. Но об активных действиях крестьян, об уходе их к пугачевцам в преданиях не говорится.

Рабочие же принимают в восстании самое непосредственное активное участие. Они не просто с надеждой ждут прихода пугачевцев, но готовят для них оружие, вступают в их ряды, выступают против заводской администрации. Самые распространенные сюжеты преданий, записанных на разных заводах, — о том, как для Пугачева здесь лили пушки и ядра (в доказательство ссылаются на найденные якобы пугачевские пушки), шли в его войско. Так, в Авзяне «на заводе находился верный его человек, мастер, что отливал пушки и хоронил их в тайном ко-

лодце до поры, до времени»⁴. «...А люди говорят, что на заводе у нас Пугачеву помогали, пушки, ядра отливали»⁵. Рабочие гордятся, что Пугачев воевал оружием, сделанным на их заводе, руками их предков: «...Старики говорят, что Пугачев в Авзяне, отлили ему там пушку, с ней ходил, Оренбург брал, крепости»⁶. Здесь же Пугачев «получил пополнение, к нему шли охотно»⁷. «Пополнял отряды рабочими»⁸, — говорится в белорецких преданиях.

Вот как один информатор описывал приход Пугачева в Авзян: «Сделал народное собрание. Это так старики говорили. Всем желающим предлагал идти в его войско. Силой никого не брал. Набрал себе народу, а в заводе приказал лить ему снаряды. Я сам видел картечь, пушки какие-то чугунные. Старинные»⁹. Один из информаторов, рабочий-пенсионер, утверждал, что «все рабочие Ирگزизлинского Вознесенского завода пошли с Пугачевым на Белорецк, а завод разорили тогда»¹⁰. Белорецкие же рабочие уверяли, что они первыми в пугачевское войско явились. «Емельян очень любил их, опорой своей называл». «Белорецкие помогли ему войско составить — этак тыщи четыре-пять. Обозное, пушечное и ружейное дело справили»¹¹. Эти мотивы устойчиво сохраняются и передаются в преданиях разных заводов почти одинаковыми словами. Выработались своего рода вербальные штампы, специфичные для рабочих пугачевских преданий. Они показывают, что сложилась определенная традиция.

Когда же повстанцам под давлением карателей (так обычно называют царские войска) приходилось оставлять тот или другой завод, почти все рабочие уходили с ними, вливаясь в их отряды. «Из Кричной много людей ушло с завода с Кузнецовым»¹² (один из начальников пугачевских отрядов), — говорят в Сатке. «А когда ему пришлось уходить, он завод взорвал и

⁴ Бараг Л. Г. Южноуральские предания о пугачевском восстании: (по записям последних лет) // Русский фольклор: Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т. 15. С. 129.

⁵ Климова О. А., Клевцова Е. Г. История рабочего города в народной неказочной прозе: (по материалам экспедиций 70-х годов XX в. в Касли) // Фольклор Урала: Фольклор городов и поселков. Свердловск, 1982. С. 30.

⁶ Колпакова Н. П. Новые записи фольклора на Южном Урале // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 12. С. 150.

⁷ Кругляшова В. П., Климова О. А., Демина Л., Кошечева Т. Записи преданий и легенд на горнозаводском Урале // Фольклор Урала: Рабочий фольклор. Свердловск, 1978. С. 118, № 20.

⁸ Там же. С. 119, № 24.

⁹ Колпакова Н. П. Новые записи... С. 149.

¹⁰ Бараг Л. Г. Пугачевские предания, записанные в горнозаводских районах Башкирии // Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965. С. 178.

¹¹ Алферов Р. Сказы о Башкирии // Лит. Башкирия. Уфа, 1950. Вып. 2. С. 283.

¹² Кругляшова В. П. и др. Записи преданий и легенд... С. 117, № 19.

все население деревни (возле Авзяна) ушло вместе с ним»¹³. Взрыв завода и плотины, после чего вода ушла, о чем память также сохранилась в преданиях, послужил основой поэтического мотива — земля дрогнула, и речка Кухтур ушла под землю, чтобы не могли из нее напиться те, кто преследовал Пугачева»¹⁴.

Активное участие рабочих в восстании — основной идейный пафос горнозаводских преданий, определивший их сюжетику и образность. Рабочие выступают против социальной несправедливости, а не против отдельных заводчиков и их подручных. И если в поволжских преданиях основной мотив — расправа пугачевцев с помещиками, то на горном Урале аналогичный мотив — наказание приказчика, управляющего — встречается редко. Когда же говорится о казни представителя заводской администрации, то она изображается как исполнение справедливого судебного приговора: когда вошли на завод повстанцы, на площади поставили кресло, и Пугачев начал суд¹⁵. Суд он вершил в присутствии народа, в полном согласии с ним. «Вскоре он вышел на площадь, где народ собрался, и стал судить схваченного казаками приказчика — «обижал народ» — «обижал, измывался над ними». Постановил тут же повесить приказчика. Повесили при одобрительных криках крепостных»¹⁶.

Восстание в большей части горнозаводских преданий представляется как организованная сознательная борьба за свои права. У Пугачева не случайное скопище недовольных, а войско, армия (только так определяются повстанцы) со своим штабом, начальниками отрядов, с которыми Пугачев держит совет, намечает планы. В эту армию вливаются и рабочие. Пугачев воспринимается рабочими не как царь (предания, в которых он называется царем, единичны) и не как самозванец, принявший царский титул, чтобы сильнее воздействовать на массы, а как человек, поднявший народ на борьбу и возглавивший ее. Ему приписывается определенная программа и цели: «Все знали, что он идет освобождать народ»¹⁷; «Сказывали, что Пугачев против крепостного права воевал»¹⁸, «Шел он против царицы. Ему надо было, чтобы народ жил свободно»¹⁹. В этих формулировках чувствуется, конечно, модернизация, но они передают восприятие пугачевского восстания рабочими.

Как в зависимости от идейной направленности произведения может меняться смысл и функция одинаковых мотивов, можно

¹³ Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.; Л., 1935. С. 38.

¹⁴ Колпакова Н. П. Новые записи... С. 149.

¹⁵ Кругляшова В. П. и др. Записи преданий и легенд... С. 110, № 1.

¹⁶ Барг Л. Г. Южноуральские предания... С. 129.

¹⁷ Кругляшова В. П. и др. Записи преданий и легенд... С. 111, № 1.

¹⁸ Там же. С. 113, № 5.

¹⁹ Там же. С. 111, № 2.

видеть на примере сюжета «женитьба Пугачева». Об этом рассказывают как казаки, так и рабочие разных заводов, особенно в Сатке и в Авзяне. В казачьей легендарной эпохе действительный факт — женитьба Пугачева на казачке Устинье Кузнецовой — осмыслен с религиозных позиций и представлен как очень важный, роковой момент в судьбе Пугачева и всего восстания. Казакам, несомненно, льстило, что император Петр Федорович (как они неизменно именовали Пугачева) взял жену из их среды. Но он женился при живой жене, совершил тяжкий грех и после этого недостоин, не может выполнить высокой освободительной миссии, для которой был предназначен. Ход событий резко меняется: до того побеждавший Пугачев терпит поражение за поражением и захвачен правительственными войсками. И даже современные информаторы заявляют: «Как женился царь, так все испортил»²⁰.

В горнозаводских преданиях женитьба Пугачева (или любовь его к дочери рабочего, мастера) — отдельный эпизод. На судьбе восстания и самого Пугачева она никак не сказывается. Но этот эпизод несет определенную идейную нагрузку, раскрывает глубоко положительное отношение к Пугачеву, дополняет его образ новыми штрихами, делает его более близким рабочим, с которыми он как бы породнился.

Самая существенная особенность сюжета «женитьба Пугачева» в горнозаводских преданиях — у Пугачева обязательно остается сын, вылитый отец, такой же сильный, мужественный. «Упорно слух такой держится, что полюбил Пугачев саткинскую девушку, дочь мастерового, Катю Невзорову, а потом родился у нее сын, на Пугачева похожий. За саткинскими Невзоровыми прозвище закрепилось — Пугачи»²¹. Сын Пугачева остается как напоминание о восстании и залог его успешного повторения в будущем, призыв к нему. «Пугачевское наследие», — так характеризуют якобы потомков Пугачева. «В Узяне пугачевское наследство осталось»,²² — так завершается одно белорецкое предание. Сыновья Пугачева, по преданиям, остались на разных заводах.

Поэтический вымысел, отразивший отношение рабочих к восстанию Пугачева, стал восприниматься как действительность. «Вот и сейчас еще остались люди из рода Пугачевых. Сильный был народ, а по-уличному их звали Пугачевыми или Пугачами»²³. И еще в 1971 году один информатор, мастер Узянского леспромхоза С. Ф. Петров (1923 г. рожд.) уверял, что он — потомок Пугачева, и в доказательство привел всю свою родословную, начиная от «жены» Пугачева, дочери узянского рабо-

²⁰ Коротин Е. И. Фольклор яицких казаков: Песни, народная проза, детский фольклор. Алма-Ата, 1981. С. 201, № 213.

²¹ Бараг Л. Г. Южноуральские предания... С. 130.

²² Колпакова Н. П. Новые записи... С. 148.

²³ Кругляшова В. П. и др. Записи преданий и легенд... С. 118, № 21.

чего Петрова. «По-уличному нас Пугачами или Пугачевыми зовут»²⁴. Так в преданиях разных заводов не только устойчиво сохраняется сюжето-мотив, но и выработались словесные формулы — стереотипы. Это показывает, как стойко сохранялась уральскими рабочими память о Пугачеве, они гордились, что среди них есть его потомки и охотно причисляли себя к ним.

Организованность, готовность к активной борьбе за свободу и социальную справедливость, осознание ее целей, подчеркнутое единство рабочих с пугачевцами, ярко выраженные в горнозаводских преданиях, дают основание рассматривать эти предания как специфически рабочие. Они отражают рабочую идеологию и психологию, отличную от крестьянской и казачьей. Рабочая специфика проявляется прежде всего в характере и оценке центральных образов, что определяет соответствующий подбор и трактовку сюжето-мотивов. Конечно, на записях, делаемых в наше время, определенно чувствуется воздействие современности, но несомненно, что основные отмеченные особенности — отношение к Пугачеву и оценка восстания как справедливого — были с самого начала присущи горнозаводским преданиям, создававшимся на основе воспоминаний. Сходство, можно сказать, известное единство преданий, хранимых на всех заводах горного Урала, говорит о прочно сложившейся в течение ряда поколений традиции.

В. А. МИХНЮКЕВИЧ
Челябинский университет

К вопросу о рабочем сказе

Процесс познания неровен и противоречив — только этим можно объяснить наличие в современной фольклористике некоторых концепций, которые можно квалифицировать как научные мифы. К их числу принадлежит довольно распространенная точка зрения о существовании в рабочем фольклоре особого жанра сказа. Само его существование превратилось почти в аксиому, поэтому даже в некоторых серьезных работах последних лет этот факт если и не утверждается категорически, то из контекста следует, что авторы молчаливо признают его.

Наступило время подвергнуть эту точку зрения основательной проверке. Представляется, что присутствие особого жанра сказа в системе жанров рабочего фольклора стоит под вопросом.

²⁴ Бараг Л. Г. Предания о пугачевском восстании в записях 1966—1971 гг. // Материалы и исслед. по фольклору Башкирии и Урала. Уфа, 1974. С. 135, № 2.